

Key words: the world picture, model of the world, image of the world, language picture of the world, naive picture of the world, mythological picture of the world, conceptual picture of the world.

Стаття надійшла до редакції 21. 09. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Зеленько А. С.

Е. В. Филатова (Донецк)

УДК 616.831-07:313

МЕТАСТРУКТУРА ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА?

Словосочетание изучается лингвистами уже достаточно давно, но нельзя сказать, что в его исследовании достигнуто единство мнений. Проблема остаётся остро дискуссионной [Сухотин 1950: 127; Фоменко: 60], вызывая полемику, начиная с того, существует ли вообще такая единица или это гипотетическая, теоретическая структура? Если существует, то каковы её признаки? На основании чего установлен её статус? Языковая она или речевая? Какова у неё сфера функционирования? В чём её грамматическая природа и функциональная сущность?

Данная проблема актуальна для многих языков. В украинистике, например, „остаётся актуальной проблема грамматической природы словосочетаний, их определяющих синтаксических признаков... Существование многих противоречивых утверждений о словосочетании побуждает к поискам новых подходов в его классификации” [Вихованець 1992: 52]. „Актуальным является выделение словосочетания из речевой структуры и установление ёмкости этой синтаксической единицы” [Загнітко 2001: 48].

По мнению академика В. Виноградова, словосочетания в русском языке – это грамматические единства, „которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчленённые значения”; они „являются строительным материалом для предложения... Рассматриваемые вне предложения... словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка” [Виноградов 1975: 231].

Показательно, что в данном случае словосочетание функционально уподобляется слову. Сторонники этой точки зрения считают, что словосочетание как распространённое слово существует в виде готовой единицы, номинативной структуры, основанной на подчинительной связи, которая имеет грамматическую парадигму (свою систему форм) и характеризуется непредикативностью. Назначение их – быть материалом для построения предложений.

Разное отношение к словосочетаниям у американских лингвистов. Л. Блумфилд относит к ним любые объединения двух и более слов (ср. *yes, sir*), в том числе и аналитические формы слова, сочетание существительного с предлогом, глагола с послелогом [Блумфилд 1968: 187]. А вот Д. Слобин даже не использует термин **словосочетание**. Создается впечатление, что такой лингвистической единицы для него не существует. Зато он активно пользуется термином **синтагма** [Слобин 1976]. Д. Перлмуттер и П. Постал также не упоминают о словосочетаниях. В предложении они выделяют терминальные и нетерминальные узлы. Под первыми понимаются лингвистические единицы, начиная с морфем, а под вторыми – различные „синтаксические обороты” и „синтаксические группы слов” [Перлмуттер 1982].

В немецком языкознании словосочетание выступает в качестве недостаточно определённой структуры. Многие немецкие синтаксисты вообще не считают его самостоятельной синтаксической единицей [Филичева 1969: 34] и не пользуются этим термином, который к тому же даже не включается во многие известные словари лингвистических терминов [Арибжанова 2009: 56].

По мнению Ш. Балли, роль словосочетаний сводится к тому, что в них наглядно „находят своё отражение главные типы грамматических отношений” [Балли 1955: 108], что, естественно, весьма важно в метаязыковом отношении.

Согласно А. Гардинеру, описавшему противопоставление языка и речи с их главными единицами – словом и предложением, словосочетанию нет места в этом противопоставлении [Gardiner 1951: 86].

Цель статьи: обратив внимание на противоречия в изучении словосочетания и в его господствующей концепции, представить иной взгляд на данную структуру.

Прежде чем говорить о словосочетании, нужно чётко разграничить сферы языка и речи, языковые единицы и речевые. В качестве надёжных принципов выделения речевых единиц, установления их статуса и отличия от языковых могут выступать: 1) реальность единицы как типового структурно-содержательного компонента речи; 2) соответствие основному показателю сферы по признаку конкретности / обобщённости (абстрактности); 3) её функция; 4) характер её реализации (воспроизведение или индивидуальное порождение).

В соответствии с первым принципом речевая единица должна быть представителем конкретного типа структур. В соответствии со вторым **языковые единицы** – это обобщённые или абстрактные средства, являющиеся общими для всех носителей языка, а **речевые единицы** имеют ситуативные значения, которые определяет им субъект речи. Их можно назвать индивидуальными. Согласно с третьим принципом функции единиц языка состоят в том, что единицы нижележащего

уровня являются **средством** для единиц ближайшего вышележащего уровня, а функции речевых единиц связаны с порождением (путём линейного наращения), структурированием и восприятием речи. В соответствии с четвёртым принципом единицы языка существуют в виде системы знаменательных средств. Они **используются** носителями языка в качестве готовых компонентов, в то время как единицы речи **порождаются** в процессе общения, имеют индивидуальный характер и обусловлены языковой компетенцией субъекта речи, его речевыми умениями и навыками.

Функции языковых единиц проявляются в сфере языка, а речевых – в сфере речи. В сфере речи слова появляются обычно не в отдельности, а комплексно – в виде синтагм как минимальных речевых единиц с единым ситуативным значением. Функции слов исчерпываются на уровне синтагм. Поэтому говорить о функциях слов в предложении вряд ли уместно, так как не из отдельных слов строятся предложения.

Статус любой единицы определяется на основе её функций, которые проявляются в конкретной сфере. Самые важные различия лингвистических единиц, касающиеся их сущности, не формальные, а функциональные. Например, укрепилось мнение, согласно которому слово со значением признака, находящееся в препозиции к определяемому слову, образует с ним атрибутивное словосочетание, а то же слово в постпозиции является уже сказуемым и с определяемым словом образует предикативную структуру (дескать, *дальняя дорога* – словосочетание, а *дорога дальняя* – предложение). Вполне убедительным возражением такому утверждению могут служить следующие пушкинские строки: *По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит*. Статус выделенных слов (определения) опровергает упоминаемое утверждение как не соответствующее речевой практике.

Господствующая сегодня в русском синтаксисе теория определяет словосочетание как **самостоятельную единицу языка**. В качестве его сущностных признаков названы: квалификация (**синтаксическая единица**), сфера (**система языка**), характер значения (**номинативная единица**) и назначение (**построение предложений**).

Эту концепцию трудно принять, и вот почему. Во-первых, существуют разные виды сочетаний слов: устойчивые (*белая ворона, попасть впросак*), составные наименования (*белый гриб, скорый поезд*), составные термины (*общее языкознание, реле утечки*). Они функционально уподобились слову, легко поддаются инвентаризации, лексикографическому описанию и изучаются в лексикологии. Единственное их отличие от слов – их составной характер. Они **не порождаются, а используются**.

Во-вторых, такое мнение не соответствует результатам речевой практики. Существуют предложения – безличные, назывные, инфинитивные, генетивные, которые представлены одним словом. В них вообще нет словосочетаний.

В-третьих, если словосочетание – *синтаксическая* единица с конкретным лексическим наполнением, ему должна быть свойственна не номинативность, характерная для единиц лексической системы, а конкретная содержательность. Трансформация номинативного компонента в содержательный – неизбежный процесс с единицами языка в речи.

В-четвёртых, если словосочетание принадлежит системе языка, являясь *номинативным* его средством, оно не может выступать в роли самостоятельной речевой единицы при построении предложения как *речевой* структуры. Потому что строительными компонентами *речи* могут быть только **исходные одномерные речевые структуры** с ситуативным значением, а не номинативные единицы языка с обобщённым значением. Мысль о том, что словосочетание существует в качестве готовой номинативной единицы, противоречит сущности синтаксиса как учения о построении речи и понятию синтаксической единицы как индивидуальной, порождаемой структуры [Фоменко 1975: 64; Филатова 2010: 76].

Эта концепция детально рассматривает морфологическую природу словосочетания, его структуру, грамматические связи и отношения, систему его форм. Все эти вопросы носят частный, внутривидовый характер и сейчас для нас не столь важны. Прежде чем говорить о признаках и особенностях какой-либо лингвистической единицы, сначала необходимо убедиться в существовании этой единицы как реальной типовой структуры и в её функциях. Главный вопрос сейчас в том, какая единица является исходной при порождении речи? Вопрос можно поставить иначе: является ли словосочетание единицей, используемой в качестве исходной структуры при построении предложения, или эту функцию выполняет иная структура?

Обратимся к следующим словам: *стекло, вуз, районо, кабмин*. Сопоставим их с сочетаниями *органическое стекло, высшее учебное заведение, районный отдел народного образования, кабинет министров*. Между словами первого ряда и сочетаниями слов второго есть несомненное сходство. И те и другие являются **наименованиями** отдельных реалий: *стекло* и *органическое стекло (оргстекло)*, *высшее учебное заведение* и *вуз*, *районный отдел народного образования* и *районо*, *кабинет министров* и *кабмин*.

Если сочетания слов являются наименованиями отдельных реалий, они приравниваются к слову. Многие из них под воздействием тенденции к экономии языковых средств имеют параллельные формы в виде отдельных слов, полученных в результате аббревиации. Такие сочетания принадлежат лексической системе языка. Они действительно номинативные единицы.

Теперь сопоставим слова с иными сочетаниями: *книга* и *подаренная мне отцом книга*; *горы* и „*мягко устланные горы*”; *ковром* и „*зимы блистательным ковром*” (Пушкин).

Перед нами слова и лексические сочетания с этими же словами в качестве грамматически главного компонента. Утверждение, что сочетания *подаренная мне отцом книга, мягко усталые горы и зимы блистательным ковром* являются самостоятельными, номинативными и в то же время исходными синтаксическими единицами при построении предложений, выглядит, по крайней мере, странным. Если они номинативные, следовательно, они лексикализовались, т. е. изменили свой статус, приобрели обобщённый характер значения, стали составными наименованиями и поэтому не являются ни синтаксическими, ни речевыми единицами. А если они порождаются в речи, то не могут быть готовыми структурами, существующими до предложения.

Кроме того, если первое сочетание возможно в речи любого человека, которому отец подарил книгу, создавая иллюзию самостоятельного существования, то два других носят ярко выраженный субъективный характер, принадлежат конкретному автору и возможны в речи других людей только при цитировании. На их фоне утверждение о том, что словосочетания являются готовым строительным материалом для предложения, т. е. цитируются, выглядит неубедительно. Проверим „строительную” функцию словосочетаний: насколько реальна их роль в построении предложений? Рассмотрим такое предложение:

В прошлом году несколько раз наши спортсмены успешно выступали на международных соревнованиях.

Согласно рассматриваемой теории оно построено из ряда словосочетаний (*В прошлом году выступали + несколько раз выступали + наши спортсмены + успешно выступали + выступали на соревнованиях + на международных соревнованиях*) с использованием предикативного центра *спортсмены выступали*. Эти же словосочетания вычлениваются из него при анализе.

Вроде вполне логично: из каких единиц предложение построено, на эти же единицы оно и членится. Но обратим внимание на то, что в исходных структурах повторяются слова. Например, слово *выступали* повторяется пять раз, а в предложении оно представлено один раз. Нисколько не убеждает пояснение, что при построении предложения словосочетания подвергаются различным наложениям, конденсациям, усечениям, в результате чего повторяющиеся слова опускаются.

Но если при построении предложения опускаются отдельные компоненты исходных словосочетаний, то выходит, что предложение реально построено не из словосочетаний, а, по крайней мере, из их осколков. Гипотетический характер концепции построения предложения из словосочетаний очевиден. Очевидно также и то, что структура и содержание данного предложения составлены из пяти синтагм, разграниченных паузами:

В прошлом году / несколько раз / наши спортсмены / успешно выступали / на международных соревнованиях.

На эти же синтагмы оно членится и при восприятии. Показательно, что ни одно слово любой из синтагм как исходных структурно-смысловых конструктивных единиц предложения не входит ни в какую другую синтагму.

Синтагматическая основа предложения подтверждается также тем, что в нём можно менять порядок синтагм как единых его компонентов. Но изменения в структуре синтагм недопустимы, так как они приведут к деформации содержания.

Можно убедиться в том, что сущностные признаки словосочетания не находят подтверждения, и это указывает на искусственный характер его выделения. Такая ситуация возможна с единицей, которая не играет никакой роли в речепорождении, поэтому она имеет столь противоречивые толкования. Они никого ни к чему не обязывают. Сочетания отдельных слов, взятые сами по себе, без их связи с конкретной речью, нельзя считать речевыми единицами. А сочетания слов, взятые из речи, характеризующиеся структурно-грамматическим, интонационным и смысловым единством, – это вовсе не словосочетания, а синтагмы как исходные речевые единицы. Ср.:

Психическое состояние спортсмена, / участвующего в своём первом соревновании, / является естественным состоянием человека, / желающего проверить свои возможности и способности.

В нём четыре синтагмы. В результате последовательного наращения они составили структуру и содержание предложения (S):

1	2	3	4
S =	+	+	+
<i>Психическое</i>	<i>участвующего</i>	<i>является</i>	<i>желающего</i>
<i>состояние</i>	<i>в своём первом</i>	<i>естественным</i>	<i>проверить свои</i>
<i>спортсмена</i>	<i>соревновании</i>	<i>состоянием</i>	<i>возможности</i>
		<i>человека</i>	<i>и способности</i>

Как видим, слова этого предложения закреплены не в словосочетаниях, а в синтагмах, из которых оно составлено. Подтверждается тезис, согласно которому из каких речевых единиц предложение составлено, на основе этих же единиц оно и воспринимается. Хотя сейчас важнее другой тезис: **на основе каких единиц предложение воспринимается, именно из них оно и составлено.** Однако, как видим, к его восприятию словосочетания не имеют никакого отношения.

Можно долго спорить о том, насколько объективна и убедительна рассматриваемая концепция словосочетания, но сомнительно, что найдётся хотя бы один человек (даже среди её сторонников), который бы строил свои предложения в соответствии с данной теорией. Сложилась странная ситуация: изучаемая теория построения предложений из словосочетаний не соответствует речевой деятельности ни одного носителя языка.

Таким образом, словосочетание не имеет речеорганизующей функции, а значит, не имеет статуса самостоятельной единицы. Это

метаязыковая структура, иными словами, своего рода интерполяция в системе языковых единиц, цель которой – экстраполировать полученные знания на реальную речевую структуру – **синтагму**, являющуюся исходной единицей порождения и восприятия речи.

Словосочетание активно используется в качестве наглядного методического приёма при изучении многих вопросов языка. В лексикологии к нему прибегают при выяснении значения многозначного слова, в морфологии – при образовании аналитических форм, а в синтаксисе – при изучении сочетаемости слов, их синтаксических связей и отношений, возникающих между ними. Этим исчерпывается его реальное применение.

Литература

Арібжанова 2009 – Арібжанова І. Граматичний статус словосполучення / І. Арібжанова // Укр. мовознавство. – 2009. – № 39. – С. 53 – 61; **Балли 1955** – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : монография / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.; **Блумфилд 1968** – Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 606 с.; **Виноградов 1975** – Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 231 – 253; **Вихованець 1992** – Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1992. – 224 с.; **Загнітко 2001** – Загнітко А. Теоретична граматики української мови. Синтаксис / А. Загнітко. – Донецьк : ДонГУ, 2001. – 662 с.; **Перлмуттер 1982** – Перлмуттер Д. О формальном представлении структуры предложения / Д. Перлмуттер, П. Постал // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М. : Прогресс, 1982. – С. 76 – 72; **Слобин 1976** – Слобин Д. Психолінгвістика / Д. Слобин, Дж. Грин. – М. : Прогресс, 1976. – 350 с.; **Сухотин 1950** – Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке / В. П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М. : Наука, 1950. – С. 127 – 177; **Филатова 2010** – Филатова Е. В. Противоречивость взглядов акад. В. В. Виноградова на словосочетание: причины и следствие / Е. В. Филатова // Вісн. Дон. ін-ту соц. освіти. Сер. Філологія. Журналістика. – Т. VI. – Вип. 6. – 2010. – С. 76 – 86; **Филатова 2011** – Филатова Е. В. Порождение, структурирование и восприятие речи и отношение к ним слова, словосочетания, синтагмы и предложения [Электронный ресурс] / Е. В. Филатова // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 172 – 177. – Режим доступа : <http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/51.html>; **Филатова 2011** – Филатова Е. В. О некоторых противоречиях в теории порождения речи [Электронный ресурс] / Е. В. Филатова // Філол. трактати. – 2011. – Т. 3. – № 2. – С. 71 – 77. –

Режим доступа : <http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/21961>;
Филичева 1969 – Филичева Н. И. О словосочетании в современном немецком языке / Н. И. Филичева. – М. : Высш. шк., 1969. – 205 с.;
Фоменко 1975 – Фоменко Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? / Ю. В. Фоменко // Филол. науки. – 1975. – № 5. – С. 60 – 65;
Gardiner 1951 – Gardiner A. The Theory of Speech and Language / A. Gardiner. – Ad. 2nd. – Oxford, 1951. – 348 p.

Філатова О. В. Метаструктура чи реальна одиниця?

У статті розглянуто актуальну проблему словосполучення, звернено увагу на недоліки й протиріччя його панівної наразі концепції. Подано інший погляд на словосполучення, його місце й роль у лінгвістичній науці. Словосполучення, не маючи мовленнєвоорганізуючої функції, не має й статусу самостійної одиниці. На думку автора, ця метамовна структура, свого роду інтерполяція в системі мовних одиниць, метою якої є екстраполяція отриманих знань на реальну мовленнєву структуру – синтагму, яка слугує вихідною одиницею породження й сприйняття мовлення.

Ключові слова: словосполучення, синтагма, речення, сфера мови, мовні одиниці, сфера мовлення, мовленнєві одиниці, породження мовлення.

Филатова Е. В. Метаструктура или реальная единица?

В статье рассматривается актуальная проблема словосочетания, обращается внимание на недостатки и противоречия в господствующей сегодня его концепции. Представлен иной взгляд на словосочетание, его место и роль в лингвистической науке. Словосочетание, не имея речеорганизующей функции, не имеет и статуса самостоятельной единицы. По мнению автора, это метаязыковая структура, своего рода интерполяция в системе языковых единиц, целью которой является экстраполяция полученных знаний на реальную речевую структуру – *синтагму*, являющуюся исходной единицей порождения и восприятия речи.

Ключевые слова: словосочетание, синтагма, предложение, сфера языка, сфера речи, языковые единицы, речевые единицы, порождение речи.

Filatova E. V. Metastructure or real unit?

The issue of the day of combination of words is examined in the article, attention applies on failings and contradictions in dominating today its conceptions. Other look is presented to combination of words, his place and role in linguistic science. Combination of words, not having a speechorganizativ function, does not have status of independent unit. In opinion of author, it is a metalinguistic structure, the family interpolation in the system of linguistic units, the purpose of which is extrapolation of the got

knowledges on the real vocal structure – sintagmu, being initial unit of generation and perception of speech.

Key words: combination of words, sintagma, suggestion, sphere of language, sphere of speech, linguistic units, vocal units, generation of speech.

Стаття надійшла до редакції 18. 09. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Должикова Т. І.

Г. М. Шипицына (Белгород, Россия)

УДК 81'37

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ
ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА**

Проблема обновления словарного состава любого языка всегда оказывается актуальной, поскольку она связана с вопросами развития языковой системы, обусловленного требованием высокой мобилизованности языка для выполнения „социального заказа” на производство номинативных единиц в условиях меняющейся действительности, жизни народа и поступательном развитии культуры. Основополагающие теоретические и методологические идеи и принципы изучения вопросов, связанных с процессами обновления словарного состава языков, были сформулированы классиками отечественной лингвистики. Не вдаваясь в подробный экскурс в научное наследие замечательной плеяды выдающихся филологов прошлого, назовем трех ученых, труды которых, на наш взгляд, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие учения о процессах обновления словарного состава. Это труды академика В. Виноградова, Р. Будагова и А. Потебни. Так, В. Виноградов указал на необходимость изучения изменений в семантике слова лишь на широком фоне истории семантических систем (и ячеек этих систем) данного языка с обязательным учетом истории общественной мысли, материальной и духовной культуры народа. При этом, писал академик, „слова двигаются и меняются вместе со всем языком. Изменения в общей системе отражаются на употреблении и значении отдельных слов” [Виноградов 1995: 7]. Р. Будагов оставил нам образцы системного анализа лексики, реализующие названные выше идеи В. В. Виноградова, и показал безграничность семантического пространства слова живого языка в контексте культуры его носителей, а также общие линии в развитии значений слов на фоне их системных объединений [Будагов 1971, 1977]. Наконец, А. Потебня (в частности, в работе „Мысль и язык”) раскрыл важнейшие мыслительные и языковые механизмы порождения новых значений слов, в том числе в